

Посвящается Маргарет.

Ты прочитала мне так много книг; больше всего на свете мне хотелось бы, чтобы ты прочитала мне и эту.

ГЛАВА О

ШУТ

Солнце ярко светит, когда Шут отправляется в путь. Все его пожитки — в котомке, которая висит на посохе, переброшенном через плечо; в руке он держит белую розу. Его взгляд прикован к горизонту, и этот беззаботный скиталец не подозревает, что он вот-вот перешагнет через край пропасти...

Лалабелль Рок делает еще один глоток розового «Пепто-Бисмоля»¹. Одна капелька падает на лацкан белого банного халата и тут же впитывается в махровую ткань. Лалабелль не замечает этого, а если и замечает, то никак не реагирует.

Вместо этого она облизывает губы и устремляет открытый и серьезный взгляд в мою сторону.

— Я могу рассказать тебе о моем новом фильме? Это полный провал. Просто катастрофа.

Не знаю, надо ли мне кивнуть. У меня не возникло впечатления, что Лалабелль спрашивает моего разрешения. Она не продолжает и ждет, слегка склонив голову набок.

---

¹ Средство от расстройства и несварения желудка. — *Здесь и далее прим. пер.*

Секунду мы смотрим друг на друга, потом я уступаю.

— Рассказывай.

Лалабелль прихорашивается, плотнее завязывая на голове белый шелковый шарф. Однако одному светлому локону все же удается сбежать, и он покачивается в опасной близости от ее губ, на которых еще не высох лечебный напиток со вкусом клубники.

— В общем, — начинает она, подавшись вперед, — когда я подписывала контракт, все это казалось мне верным решением. Спенсер, мой агент, говорил, что это нужно хватать и бежать. Хватать и бежать. Умно, правда?

Я что-то бормочу в знак согласия.

— В общем, это адаптация. Чего-то артхаусного. Шведского, или польского, или итальянского, или еще чьего-то. Черно-белого. С субтитрами. И все такое. Режиссер-постановщик отличный, как ты понимаешь, один из лучших... В общем, ему всегда это нравилось, еще с тех пор, когда он был голодным студентом в киношколе. «Медея», так он называется. Он о матери.

— Это твоя роль? — спрашиваю я.

Мы сидим на балконе, и нас разделяет большой стеклянный стол. Когда солнце выходит из-за облаков, стол превращается в диск ослепительного света. В эти короткие мгновения я чувствую себя так, будто мы с ней беседуем над поверхностью луны.

— Естественно, — отвечает Лалабелль, явно немного обиженная. — В общем, у этой матери есть дети.

— Само собой.

— Двое детей. Два маленьких мальчика. И отец, естественно. В общем, все они живут в этом большом старом доме. В сельской местности. Там высокая

влажность и частые туманы. Наверное, в Англии — там всегда сыро...

— Они счастливы? — спрашиваю я.

— О, наверное, — говорит Лалабелль, отпивая из стакана. — Наверняка. Но потом начинается война. Или она уже давно идет... Тут не совсем ясно. В общем, отец вынужден уехать. Он, видите ли, солдат. Он уезжает, и мать остается одна.

— С детьми?

— Естественно. Проходят годы, они так и живут в этом жутком доме, все новости о войне узнают по радио, ну, из передач, что были в те давние времена... А эта мать, она дико напугана, у нее паранойя, и она совсем одна в этом старом большом доме...

— С детьми, — напоминаю я ей, и она нетерпеливо взмахивает ручкой с сияющими лаком ногтями.

— Да-да, это же ясно. Но она боится. Шарахается от теней. Она все думает, что будет, если на них нападут? А что, если враг найдет их? Что он сделает? И вот спустя годы и годы она слышит стук в дверь...

Лалабелль замолкает и многозначительно смотрит на меня.

Через секунду я понимаю, что она ждет от меня реакции.

— Это муж? — спрашиваю я.

— Ну, — говорит она и слегка качает головой, — да. Но предполагается, что ты об этом не знаешь. Это может быть кто угодно. Короче, она думает, что это враги, они пришли убить ее и сотворить страшные вещи над малышками. И она убивает их.

— Кого? — спрашиваю я. — Врагов?

— Нет... детей, — говорит Лалабелль, приправляя свою интонацию ужасом. — Она убивает своих детей,

чтобы враги не смогли причинить им вред. А потом, когда оба уже мертвы, она вооружается кухонным ножом и идет открывать. И как ты думаешь, кто по ту сторону двери?

Она изгибает бровь, которая бледной полосой поднимается над краем солнцезащитных очков. Мгновение мы тупо смотрим друг на друга.

— Муж? — говорю я.

— Муж! — Она восторженно хлопает в ладоши. —

И на этом конец.

Я размышляю.

— Гм, — говорю я. — И все это в черно-белом?

— Оригинал был черно-белым, — говорит Лалабелль, пожимая плечами. — А наша версия — нет. В нашей версии очень красивое освещение. Красное, голубое и так далее. Ты видела «Суспирию»¹?

— Нет.

— Я тоже, но мне говорили, что это точная копия. Мы не собирались делать что-то вроде дрянных студийных ремейков, где всё в пастельных, приглушенных тонах и выглядит безопасно. Мы хотели — ну, режиссер хотел, — чтобы все было в крови. Кровоточило. Именно это слово он и использовал. Неукоснительно.

— А в оригинале ему было мало крови? — спрашиваю я.

От солнца у меня начинает болеть голова. Я не привыкла к головным болям. Я их не люблю.

На Лалабелль Рок большие солнцезащитные очки. Она может спокойно смотреть на меня, мне же приходится щуриться, чтобы разглядеть розовое пятнышко

---

¹ Имеется в виду культовый итальянский мистический триллер 1977 года (в 2018 году снят его голливудский ремейк).

на белом халате, в который укутано ее тело, и ухоженные сады, что раскинулись позади нее, лазурь плавательного бассейна вдаль и безупречно подстриженные изгороди. Здесь, за городом, очень красиво. Пейзаж мог бы стать отличной съемочной площадкой или фоном для картины — настолько здесь все идеально. Наверняка вокруг установлен забор, чтобы сохранять эту красоту нетронутой, но я его не вижу.

— В оригинале... — Она замолкает и постукивает ногтем цвета электрик по своему клыкку. — Там многое только подразумевалось. Жестокость. Ответные выстрелы, элегантные брызги крови на стене. Детская рука, медленно роняющая игрушечный грузовик. Ну и так далее. Мы не хотели так делать. Мы хотели как можно больше реальности. Мы хотели создать нечто настолько ужасное, чтобы у зрителя возникло желание отвернуться. Но не получилось.

— Вы показывали убийства?

— Во всех жутких подробностях. Это действительно было отвратительно. И оригинально. Каждый ребенок умирал двадцать минут. Море крови. Что, естественно, раздражало, потому что, во-первых, остаются пятна, а во-вторых, она была съедобной, и детишки, естественно, слизывали ее, хотя предполагалось, что они мертвы.

По лицу Лалабелль проходит тень.

— Никогда не работай с детьми, — мрачно советует она мне. — Они думают, что все это понарошку. Они лишают актерскую игру всякого достоинства.

— Не буду, — обещаю ей я.

— Как бы то ни было, — со вздохом говорит она, — это должно было стать шедевром. Моим шансом на признание. Чтобы не играть жен, или робких секре-

тарш, или тусовщиц. Чтобы не сниматься в этой высокобюджетной чуши с захватом движения, зеленым экраном и CGI¹ или озвучивать в эпизодах тролля Хихифырча.

— Уверена, ты была великолепна в этой роли.

— Критики были добры. — Лалабелль изящно пожимает плечиком и достает из кармана пачку сигарет и дешевую пластмассовую зажигалку. Сигарета заводится у ее рта; ее лицо обращено к раскинувшимся вокруг просторам. В это мгновение она действительно выглядит как кинозвезда Лалабелль Рок.

— «Медя» обещала стать моим освобождением, — говорит она с трогательной до глубины шекспировской серьезностью. — Но, похоже, она станет эпитафией моей карьере. Предварительные показы обернулись катастрофой. Самым настоящим бедствием, вот что говорит Спенсер.

— Фильм сочли агрессивным?

— Нет, — уныло говорит Лалабелль. — Хуже. Они сочли его скучным. В лучшем случае, забавным. Спенсер сказал, они хихикали, когда маленького Робби ударили топором.

— Сожалею.

— Думаю, искусство мертво, — но что теперь плакать по сбежавшему молоку...

Я сочувственно улыбаюсь, но в слова не вслушиваюсь. Смотрю на сигаретную пачку. Она лежит между нами, почти посередине. «Везучая девчонка» написано на ней черными буквами. В черной четкости шрифта есть нечто авторитарное.

---

¹ Computer-generated imagery (англ.) — изображения, сгенерированные компьютером.

Разве мне не подсказывают, что я везучая? Я задумываюсь. Или эти сигареты исключительно для девушек, которым уже повезло? Возможно, тебе везет еще больше, если ты куришь их.

— Он выходит на широкий экран через неделю, — говорит Лалабелль, причем деловым тоном, что неожиданно. — Мне нужны публикации в прессе. Что-то такое, что вызовет интерес. Что-то, что превратит фильм из позора в культовый хит. Во всяком случае, так говорит Спенсер. И вот тут на сцену выходишь ты.

— Я? — удивленно спрашиваю я.

— Конечно, — говорит Лалабелль. — Разве тебе не интересно, зачем ты здесь? Почему я выбрала тебя?

Я хлопаю глазами. До этого момента я таким вопросом не задавалась. Внезапно меня охватывает неприятное чувство, что что-то тут неправильно.

— И сколько мы уже сидим тут? — спрашиваю я.

Лалабелль Рок бросает на меня холодный взгляд поверх темных очков.

— Всю твою жизнь, — говорит она. — Двадцать минут, если тебе нужно точнее. Ты же знаешь, кто ты такая, верно?

Я снова хлопаю глазами и смотрю на свои ногти цвета электрик. Шевелю пальцами, и мне кажется, что при движении ногти оставляют за собой синий след. Головная боль достигла кульминации и стала невыносимой.

— Я Лалабелль, — говорю я. — Лалабелль Рок.

Лалабелль сочувственно улыбается и несколько раз легонько хлопает меня по руке.

— Одна из многих Лалабеллей Рок, — поправляет она. — А я та самая Лалабелль Рок. Покури. Помогает.

— Я не курю, — говорю я. — Это плохо для цвета лица.

— Да, — с едва заметным нетерпением в голосе говорит Лалабелль. — Я не курю. Мне надо заботиться о своей карьере. И о здоровье. И об обложках для журналов. Можешь делать что угодно.

Я беру сигаретную пачку и надрываю обертку. Неловкими пальцами вытаскиваю идеально гладкую сигарету и неуклюже вставляю ее в рот. Трижды пытаюсь добыть огонь из зажигалки, и в конце концов Лалабелль со вздохом забирает ее у меня. Она выхватывает у меня сигарету и достает еще одну из пачки. Зажав обе между губами, уверенно чиркает зажигалкой, и на мгновение в ее темных очках отражаются два язычка пламени.

— Вот, — говорит она, передавая одну сигарету мне. — Вдохни. Ты скоро освоишься. Все привыкают.

— Кто все? — спрашиваю я, и сигарета, торчащая из моего рта, дергается вверх-вниз.

— Другие Портреты. На данный момент у меня набралось достаточно. Ты будешь тринадцатой.

— Не повезло, — бормочу я, пытаюсь понять. — Я не... думаю... я...

— Вдохни.

Я делаю, как она говорит, и дым заполняет мой рот, устремляется в горло и цепляется за миндалины. Я чувствую, как он густым черным смогом проникает в легкие. Мне становится страшно. Я кашляю, меня начинает тошнить, на глаза наворачиваются слезы.

— Ой, пора взрослеть, — говорит Лалабелль, закатывая глаза. — От капельки дыма никому вреда не будет. Вдохни, задержи дыхание и выдохни.

Мне не хочется, но она наблюдает за мной, барабанит пальцами по столу — цок, цок, цок. С третьей попытки у меня все получается, однако руки дрожат.

— Ну что, вспомнила? — наконец спрашивает Лалабелль.

Кажется, она овладела собой. Сейчас она мне даже улыбается, как будто я ребенок, который старается изо всех сил. Она делает глоток.

— Наверное, — говорю я и старательно думаю об этом.

Мои воспоминания состоят из двух слов. Я отчетливо помню розовое пятнышко на халате Лалабелль. Я помню, как стеклянный стол сверкает на солнце. Я помню «Медеею». Я помню, как мне советуют никогда не работать с детьми. Я помню, как держу сигарету, девственно гладкую. И все эти воспоминания цветные. Я даже могу чувствовать их запах. От них пахнет клубникой лечебного напитка, сигаретным дымом и терпкими духами Лалабелль.

А под этими воспоминаниями есть другие, и они в цвете сепия. Плоские и без запаха, как фотография. Этих воспоминаний гораздо больше; они охватывают тридцать лет. Запас на целую жизнь. Я вижу два лица. И я знаю, кто это. Одно из них мамино. Другое папино. Я ничего к ним не чувствую. Эти воспоминания — как греза.

— Я выросла, — осторожно говорю я, ожидая от Лалабелль подтверждения, — в этой местности. Поэтому-то и купила этот дом. Поместье.

— Да, — говорит она. — Только ты не должна думать в таком ключе. Ты только сама себя запутаешь. Это я выросла в этой местности. Тебя выловили из чана в моем подвале. Что еще?

— Я... ты переехала в город.

— Да, — говорит она. — Хорошо.

— Ты актриса.